

Е.Ю. Фаркова

Наполеон

Персонаж романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», французский император; реальное историческое лицо, выведенное в романе, герой, с изображением которого связана историко-философская концепция Л.Н. Толстого.

Впервые его имя звучит в салоне Анны Павловны Шерер, фрейлины и приближенной императрицы Марии Федоровны. Одни называют Наполеона «антихристом», «убийцей», «злодеем», другие — «героем», «великим человеком».

В описании внешности Наполеона выделяются реальные, исторически узнаваемые черты: молоджавое полное лицо с выступающим подбородком, прядь коротких волос «над серединой лба», синий мундир, раскрытый «над белым жилетом, спускавшимся на круглый живот», белые лосины, обтягивающие «жирные ляжки коротких ног».

В то же время в портрете героя развенчивается «наполеоновская легенда», сверхъестественный ореол славы, которым его окружили современники. «Вся его потолстевшая, короткая фигура с широкими толстыми плечами и невольно выставленным вперед животом и грудью имела тот представительный, осанистый вид, который имеют в холе живущие сорокалетние люди». Постоянно подчеркивается маленький рост Наполеона («маленький человек в сером сюртуке», «маленький человек с белыми руками», у него «маленькая шляпа», «маленькая пухлая ручка», он «снимает перчатку с белой маленькой руки»).

«Синдром Наполеона» преодолевают в себе почти все герои романа: Андрей Болконский, Пьер Безухов, Николай Ростов. Князь Долгоруков, который вел накануне Аустерлица переговоры с Наполеоном, так отозвался о нем: «Он человек в сером сюртуке, очень желавший, чтоб я ему говорил «ваше высочество», но, к огорчению своему, не получивший от меня никакого титула. Вот это какой человек и больше ничего». В событиях 1805 года Наполеон ведет себя как искусный полководец, обладающий трезвым умом, непреклонной волей, расчетливой и дерзкой целеустремленностью. Он хорошо знает и понимает любого противника. Получив Донесение Мюрата и проект перемирия о капитуляции русских под Голлабрунном, Наполеон сразу разгадал хитрые расчеты Кутузова и послал грозное письмо своему маршалу: «Я не могу найти слов, чтобы выразить вам мое неудовольствие. Вы командуете только моим авангардом и не имеете права делать перемирие без моей приказанья. Вы заставляете меня потерять плоды целой кампании. Немедленно разорвите перемирие и идите против неприятеля». Отправив адъютанта с этим письмом к Мюрату, сам Наполеон, «не доверяя своим генералам, со всею гвардией двигался к полю сражения, боясь упустить готовую жертву».

Накануне Аустерлицкого сражения Наполеон, в то время как по войскам читали его приказ, объезжал свои бивуаки, и солдаты громкими криками приветствовали своего императора. В приказе, подписанном Наполеоном, звучали слова, вселявшие уверенность в победе: «Это те же батальоны, которые вы разбили при Голлабрунне и которые вы с тех пор преследовали постоянно до этого места. Позиции, которые мы занимаем, — могущественны, и пока они будут идти, чтоб обойти меня справа, они выставят мне фланг!»

Наполеон обещает солдатам, что в критический момент, «если победа будет хоть минуту сомнительна», он первым встанет удары неприятеля. «Эта победа окончит наш поход, и мы может возвратиться на зимние квартиры, где застанут нас новые французские войска, которые формируются во Франции; и тогда мир, который я заключу, будет достоин моего народа, вас и меня».

Наутро, в девять часов, Наполеон стоял на высоте при деревне Шлапанице. Начиная торжественный для него день — годовщина коронации. В 1804 году он был провозглашен императором. Наполеон «стоял неподвижно, глядя на виднеющиеся из-за тумана высоты, и на холодном лице его был тот особый оттенок самоуверенного, заслуженного счастья, который бывает на лице влюбленного и счастливого мальчика». Он как бы ждал того момента, когда «солнце совершенно вышло из тумана и ослепляющий блеском брызнуло по полям и туману». Наполеон «снял перчатку с красивой белой руки, сделал ею знак маршалам и отдал приказание начинать дело».

В сражении Наполеон направляет главные силы французской армии к Праценским высотам, так как знал, что «союзники считают его далеко впереди себя, что колонны, двигавшиеся близ Працена, составляли центр русской армии и что центр уже достаточно ослаблен для того, чтобы успешно атаковать его». В пятом часу вечера французская армия, хорошо организованная и талантливо управляемая Наполеоном, одержала победу в Аустерлицком сражении.

Полководец-победитель объезжает поле боя, отдает приказания об усилении батарей. Великодушно, по достоинству оценивает побежденного противника. Увидев убитого русского гренадера, Наполеон говорит: «Славный народ!» Глядя на князя Болконского, лежавшего навзничь с брошенным подле него древком знамени, французский император произносит свои знаменитые слова: «Вот прекрасная смерть!»

Самодовольный и счастливый, Наполеон беседует с пленными. Он отдает должное командиру эскадрона, князю Репнину: «Ваш полк честно исполнил долг свой». Слова полковника: «Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату» — Наполеон удостоивает следующим ответом: «С удовольствием отдаю ее вам». Спросив у Репнина о поручике Сухтеленe, Наполеон отмечает его молодость: «Молод же он сунулся биться с нами». И когда Сухтелен обрывающимся голосом проговорил: «Молодость не мешает быть храбрым», Наполеон поощрил его: «Прекрасный ответ, молодой человек, вы далеко пойдете!»

Внимание Наполеона привлекает князь Андрей, которого он спрашивает о самочувствии. Болконский, «прямо устремив глаза на Наполеона», молчит. Он не может отвечать ему, «так ничтожны казались в эту минуту все интересы, занимавшие Наполеона, так мелочен казался ему сам герой его, с этим мелким тщеславием и радостью победы, в сравнении с тем высоким, справедливым и добрым небом, которое он видел и понял». Князь Андрей думал, глядя в глаза Наполеона, «о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих».

13 июня 1807 года Наполеон и Александр I съехались в Тильзит. 27 июня были подписаны первые условия мира. «Императоры поменялись орденами: Александр получил Почетного легиона, а Наполеон Андрея 1-й степени, и в этот день был назначен обед Преображенскому батальону, который давал ему батальон французской гвардии».

Встреча двух императоров в Тильзите показана в восприятии Николая Ростова. Юноша находится в толпе на площади, где стоят «лицом к лицу справа батальон преображенцев, слева батальон французской гвардии в медвежьих шапках». Николай Ростов видит, как оба императора «слезли с лошадей и взяли друг друга за руки». Еще недавно он доказывал французскому полковнику, что «не может быть мира между законным государем и преступником Бонапартом». И Николая Ростова неожиданно «поразило то, что Александр держал себя как равный с Бонапарте и что Бонапарте совершенно свободно, будто эта близость с государем естественна и привычна ему, как равный обращался с русским царем».

Ростова возмущает спокойствие и уверенность Наполеона, с которым он оглядывал «ряды русских, вытянувшихся перед ним солдат, все держащих на караул и неподвижно глядящих в лицо своего императора».

Наполеон награждает орденом Почетного легиона «храбрейшего из русских солдат». В церемонии награждения проявляется его показное великодушие. «Как будто Наполеон знал, что для того, чтобы навсегда этот солдат был счастлив, награжден и отличен от всех в мире, нужно было только, чтоб его, Наполеонова рука, удостоила дотронуться до груди солдата».

В 1808 году состоялась встреча императоров России и Франции в Эрфурте, и «в высшем петербургском обществе много говорили о величии этого торжественного свидания». В следующем, 1809 году, «близость двух властелинов мира, как называли Наполеона и Александра, дошла до того, что, когда Наполеон объявил в этом году войну Австрии, то русский корпус выступил за границу для содействия своему прежнему врагу, Бонапарту».

Начиная войну с Россией, Наполеон следовал тем неизбежным законам, которые «заставляли его (действуя в отношении себя, как ему казалось, по своему произволу) делать для общего дела, для истории то, что должно было совершиться». В 1812 году совпали те условия, «при которых совершается всякое жизненное, органическое, стихийное событие».

29 мая 1812 года Наполеон покинул Дрезден. Он «ехал к армии и отдавал на каждой станции новые приказания, имевшие целью торопить движение армии от запада к востоку». Окруженный ореолом великой славы, фактический повелитель Европы приближался к границам России. В каждом городе «тысячи людей с трепетом и восторгом встречали его».

10 июня Наполеон догнал армию и заночевал в Вильковисском лесу. Стоя на берегу Немана, он уже видел степи, в середине которых находился священный город — Москва, столица того, подобного Скифскому, государства, куда ходил Александр Македонский.

И Наполеон «неожиданно для всех и противно как стратегическим, так и дипломатическим соображениям, приказал наступление, и на другой день войска его стали переходить Неман». Слепленный успехами в Европе, стремясь установить свое господство в мире, Наполеон входит в Россию.

Крушение «наполеоновской легенды» происходит не на войне, а в случайной встрече с Лаврушкой, крепостным Денисова. Лаврушка — грубый, наглый лакей, готовый сослужить всякую службу барину, хитро угадывающий барские дурные мысли, в особенности тщеславие и мелочность. Беседа Наполеона и Лаврушки, плененного французами, в истинном свете показывает пустое тщеславие и мелочность «властелина мира».

Лаврушка сразу понимает, что говорит с Наполеоном, однако, стараясь от всей души послужить новым господам, притворяется, что не знает, кто перед ним. Присутствие французского императора не смущает Лаврушку, как присутствие Ростова или вахмистра с розгами. И когда Наполеон, желая увидеть впечатление, которое произведет его «бессмертно-победоносное имя», просит объяснить Лаврушке, кто перед ним, тот понимает, что ему нужно притвориться изумленным и ошеломленным. Он «выпучил глаза и сделал такое же лицо, которое ему привычно было, когда его водили сечь».

В финале этой сцены великий Наполеон, властелин мира, двинулся дальше, мечтая о той Москве, которая «так занимала его воображение», а Лаврушка, пьяный и веселый денщик, грубый и наглый лакей, «поскакал на аванпосты, придумывая вперед все то, чего не было и что он будет рассказывать у своих».

Наполеон ни на минуту не забывает о своем величии. Ему преподносят аллегорический портрет сына, на котором наследник изображен играющим в бильбоке земным шаром. Наполеон смотрит на портрет и чувствует: то, что «он скажет и сделает теперь, — есть история». Дабы подчеркнуть величественную универсальность своей природы, Наполеон решает продемонстрировать «самую простую отеческую нежность». «Глаза его отуманились, он подвинулся, оглянулся на стул (стул подскочил под него) и сел на него против портрета... Посидев несколько времени и дотронувшись, сам не зная для чего, рукой до шероховатости блика портрета, он встал и опять позвал Боссе и дежурного. Он приказал вынести портрет перед палаткой с тем, чтобы не лишить старую гвардию,

стоявшую около его палатки, счастья видеть римского короля, сына и наследника их обожаемого государя».

Накануне Бородинского сражения Наполеон весь день проводит на коне, осматривая местность. Он обсуждает планы, представленные маршалами, отдает лично приказания своим генералам. В описаниях Бородинского сражения развенчивается гениальность Наполеона, приписываемая ему. Часть линии русских войск не была укреплена после взятия 24 августа Шевардинского редута. Французам очевидно нужно было ее атаковать. Для этого не нужно было «той особенной высшей способности, называемой гениальностью, которую так любят приписывать Наполеону».

Перед сражением Наполеон пишет диспозицию, которая, «весьма неясно и спутанно написанная», состояла из четырех пунктов и четырех распоряжений, ни одно из которых «не могло быть и не было исполнено». Во все время сражения Наполеон находился так далеко от поля боя, что его ход «ему не мог быть известен и ни одно распоряжение его во время сражения не могло быть исполнено».

По Толстому, Наполеону только кажется, что он правит миром. «В исторических событиях так называемые великие люди суть ярлыки, дающие наименование событию, которые, так же как ярлыки, менее всего имеют связи с самими событиями». Каждое действие исторических лиц связано «со всем ходом истории и определено предвечно». Причина всяких исторических событий в том, что их ход «предопределен свыше, зависит от совпадения всех произволов людей, участвующих в этих событиях, и что влияние Наполеонов на ход этих событий есть только внешнее и фиктивное». Наполеон не сделал «ничего вредного» для хода Бородинского сражения; «он склонялся на мнения более благоразумные; он не путал, не противоречил сам себе, не испугался и не убежал с поля сражения, а с своим большим тактом и опытом войны спокойно и достойно исполнял свою роль кажущегося начальствования». Он играл в отношении своих войск «роль доктора, который мешает своими лекарствами, — роль, которую он так верно понимал и осуждал». В Бородинском сражении употреблены были все приемы, прежде «неизменно увенчиваемые успехом: и сосредоточение батарей на один пункт, и атака резервов для прорывания линии, и атака кавалерии *des hommes de fer*¹ ... и не только не было победы, но со всех сторон приходили одни и те же известия об убитых и раненых генералах, о необходимости подкреплений, о невозможности сбить русских и о расстройстве войск».

Будучи опытным полководцем, Наполеон «знал хорошо, что значило в продолжение восьми часов, после всех употребленных усилий, невыигранное атакующим сражение». Впервые он «испытывал тяжелое чувство, подобное тому, которое испытывает всегда счастливый игрок, безумно кидавший свои деньги, всегда выигрывавший и вдруг, именно тогда, когда он рассчитал все случайности игры, чувствующий, что чем более обдуман его ход, тем вернее он проигрывает».

Живший до поражения под Бородино в призрачном мире славы, Наполеон перестает быть великим. «В этот день ужасный вид поля сражения победил ту душевную силу, в которой он полагал свою заслугу и величие». «Желтый, опухлый, тяжелый, с мутными глазами, красным носом и охриплым голосом, он сидел на складном стуле, невольно прислушиваясь к звукам пальбы и не поднимая глаз».

На короткое мгновение личное, человеческое чувство «взяло верх над тем искусственным призраком жизни, которому он служил так долго». Страдания и смерть, увиденные на поле боя, Наполеон переносил на себя. В эту минуту он «не хотел для себя ни Москвы, ни победы, ни славы». Н. желал теперь одного — «отдыха, спокойствия и свободы». Однако, отдавая приказание об усилении огня по русским войскам, сосредоточившимся перед Князьковым, он снова «покорно стал исполнять ту жестокую, печальную и тяжелую, нечеловеческую роль, которая ему была предназначена».

¹ Железных людей (*фр.*).

В Бородинском сражении нравственная сила французской армии истощилась. Наполеон, генералы и солдаты «испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв *половину* войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения». «Французское нашествие, как разъяренный зверь, получивший в своем разбеге смертельную рану, чувствовало свою погибель; но оно не могло остановиться, так же как и не могло отклониться вдвое слабейшее русское войско».

Наполеон воображал себе вступление в Москву торжественным, театрализованным представлением, в котором он продемонстрирует свое великодушие и величие. Он смотрел на Москву с Поклонной горы, «видел трепетание жизни в городе и чувствовал как бы дыхание этого большого и красивого тела». Наполеону «странно было самому, что, наконец, свершилось его давнишнее, казавшееся ему невозможным, желание».

Деятельность Наполеона в Москве — военная, дипломатическая, юридическая, армейская, религиозная, торговая и т. д. — была «так же изумительна и гениальна, как и везде». Он распоряжается укреплением Кремля, разрабатывает план будущей кампании по всей России, посылает в Петербург полномочного для переговоров с Александром, наказывает виновников пожаров в Москве, Дарует городу конституцию, утверждает муниципалитет. Однако в своей деятельности Наполеон «подобен ребенку, который, держась за тесемочки, привязанные внутри кареты, воображает, что он правит». На самом же деле в том, что Наполеон довел свои войска до Москвы, и в том, что погубил свою армию, его личная деятельность, совпадала с теми законами, по которым совершалось явление».

Провидением Наполеону была предназначена печальная, несвободная роль палача народов. Сам же он стремился уверить себя, что цель его поступков — «благо народов и что он мог руководить судьбами миллионов и путем власти делать благодеяния». Наполеон «смело принимал на себя всю ответственность события, и его помраченный ум видел оправдание в том, что в числе сотен тысяч погибших солдат было меньше французов, чем гессенцев и баварцев». Его действия становятся противными «тому, что все человечество называет добром и даже справедливостью». Величие не исключает «возможность меры хорошего и дурного». Признание величия, которое не измеряется «мерой хорошего и дурного», — признание «своей ничтожности и неизмеримой малости», ведь «нет величия там, где нет простоты, добра и правды».

Личность Наполеона, по мнению Толстого, его деятельность представляют «лживую форму европейского героя, мнимо управляющего людьми, которую придумала история». Наполеон, человек без убеждений, без привычек, без преданий, без имени, даже не француз, самыми, кажется, странными случайностями «выносятся на заметное место». Во главу армии его выдвигают «невежество сотоварищей, слабость и ничтожество противников, искренность лжи и блестящая самоуверенность и самоуверенная ограниченность этого человека». Военную славу ему составили «блестящий состав солдат итальянской армии, нежелание драться противников, ребяческая дерзость и самоуверенность». Ему сопутствовало везде «бесчисленное количество так называемых случайностей».

Только случай выносит Наполеона на заметное место. Случайности сопутствуют ему в «бессмысленной, беспричинной экспедиции в Африку». «Случайность, миллионы случайностей дают ему власть, и все люди, как бы сговорившись, содействуют утверждению этой власти».

В России же «вдруг вместо тех *случайностей* и *гениальности*, которые так последовательно вели его до сих пор непрерывным рядом успехов к предназначенной цели, является бесчисленное количество обратных *случайностей* от насморка в Бородино до морозов и искры, зажегшей Москву; и вместо *гениальности* являются глупость и подлость, не имеющие примеров». В России, в которую он так стремился, «все случайности постоянно теперь уже не за, а против него».

Правительство Наполеона, его армия разгромлены. «Сам Наполеон не имеет больше смысла; все действия его очевидно жалки и гадки». Но в судьбе Наполеона «опять совершается необъяснимая случайность».

По какой-то странной случайности никто не видит, что «лишенный власти и силы, избалованный в злодействах и коварствах» Наполеон должен был предстать перед союзниками «разбойником вне закона». «Союзники победили Наполеона, вступили в Париж, заставили Наполеона отречься от престола и сослали его на остров Эльбу, не лишая его сана императора и оказывая ему всякое уважение». По странной случайности его с восторгом встречали, когда он пришел с Эльбы со своими гвардейцами.

Но вот наконец он играет свою последнюю роль. После спектакля актеру «велено раздеться и смыть сурьму и румяны: он больше не понадобится». Живя в изгнании на острове Святой Елены, Наполеон, считает Толстой, «играет сам перед собою жалкую комедию, мелочно интригует и лжет, оправдывая свои деяния, когда оправдание это уже не нужно, и показывает всему миру, что такое было то, что люди принимали за силу, когда невидимая рука водила им».